

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Двадцать шестое июня	5
Глава вторая. Жаркий день	10
Глава третья. Маргарита	19
Глава четвертая. Михаил Аркадьевич Костырев	33
Глава пятая. Олег Алтухов	45
Глава шестая. Мария Фёдоровна Тюрина	53
Глава седьмая. Первые шаги	65
Глава восьмая. Витёк Жмуров	78
Глава девятая. Свидетель — друг человека	93
Глава десятая. История болезни	107
Глава одиннадцатая. «Железная» Лиля	123
Глава двенадцатая. Владислав Пансков	131
Глава тринадцатая. По лезвию бритвы	149
Глава четырнадцатая. «Голая правда» о Сахаре Медовиче	155
Глава пятнадцатая. Между молотом и наковальней	163
Глава шестнадцатая. Анатолий Кабаков	174
Глава семнадцатая. Новые обстоятельства	190
Глава восемнадцатая. «Голая правда» о мсье де Кабакане	197
Глава девятнадцатая. Тет-а-тет на троих	203
Глава двадцатая. Алексей Барыбин	214
Глава двадцать первая. ОССН	231
Глава двадцать вторая. Ирина, в скором будущем — Барыбина	238

Глава двадцать третья. Жена Цезаря вне подозрений?	251
Глава двадцать четвёртая. Взрыв	262
Глава двадцать пятая. Отрывки из рукописи «Голая правда». «Как выйти замуж за очень нового русского»	271
Глава двадцать шестая. Выстрелы	278
Глава двадцать седьмая. По следам	296
Глава двадцать восьмая. Ночная встреча	304
Глава двадцать девятая. Розыск в Туле	318
Глава тридцатая. Таинственный «Третий»	325
Глава тридцать первая. Признание	335
Глава тридцать вторая. Явление народу	352
Глава тридцать третья. Самосуд	366
Глава тридцать четвёртая. Последняя	373

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ИЮНЯ

День быстро разгорался, полуденное горячее солнце обдавало жаром из-за гребней тёмных домов; в мареве выхлопных газов становилось тяжело дышать — сказывался удушливый микроклимат московского центра. Тени деревьев были коротки и не спасали от пекла, которое дрожащими волнами поднималось от нагретого асфальта. Жалюзи магазинов опустились, внутри завывали кондиционеры, гоняющие прохладный воздух.

Мария Фёдоровна, приходящая домработница актрисы Евгении Шиловской, уже подходила к дому, волоча за собой тяжёлую сумку на колёсиках, нещадно повизгивающую на выбоинах тротуара, когда ее внимание, истомлённое ежедневным однообразием, привлёк странный долговязый мужчина в синем спортивном костюме, перебегавший улицу перед плотным строем машин.

Этот нелепый человек, размахивая неимоверно длинными руками, бросился наперерез дымящему черными выхлопами КамАЗу, выворачивавшему из-за угла на большой скорости. Раздался визг тормозов, гудки, кто-то охнул, засвистел милиционер на перекрёстке. Грузовик резко дёрнулся и застыл многотонной машиной над распростёртым телом.

«Что там такое?» — заинтересовалась Мария Фёдоровна и, скрипя тележкой, тяжело переваливаясь с ноги

на ногу, заспешила к месту дорожно-транспортного происшествия. Прохожие, оглядываясь, замедлили свой бег, из подворотни вынырнула стайка полуголых загорелых пацанов. С криком: «Айда, позырим! Там человека задавили!» — они рванули поглазеть на бесплатное представление.

Чёрный строгий «сааб» застыл слева от КамАЗа, на его капоте виднелась глубокая вмятина, по лобовому стеклу пробежали тонкие змейки трещин. Бледный водитель стоял около машины. Пассажир «сааба» — вальяжный мордатый дядька — наклонился над пострадавшим. Гаишник колдовал над бедолагой в синем спортивном костюме, широко разбросавшим длинные руки на асфальте.

— Жив ли? — вслух заволновалась Мария Фёдоровна и приподнялась на цыпочки: высокий кузов грузовика заслонял ей картину.

— Что же «скорая» не едет? — возмущалась крупная женщина в соломенной шляпе, похожей на шляпку гриба. — Он что, умер?

Толпа зевак всё увеличивалась. К окнам домов приникли любопытные лица, бледнеющие за стёклами, как размытые пятна.

— Я видел собственными глазами, он из этого двора выскочил и ка-а-к кинется!.. — объяснял собравшимся зевакам словоохотливый старичок апоплексического вида, с палочкой наперевес. Он указал на двор, куда направлялась Мария Фёдоровна.

Тут Мария Фёдоровна не выдержала.

— Я здесь живу, в этом доме, — активно вступила она в обсуждение. — Не из наших ли жильцов кто? Может, этот мужчина с усами?

— Нет, парень. Совсем молодой, без усов.

— Я видела, он как бросится... — делилась впечатлениями дама в соломенной шляпе с поникшей марлевой розочкой. — А я как вскрикнула!

Между тем на широкой улице мгновенно образовалась ревушая автомобильными гудками пробка. Мили-

ционер отошёл от неподвижного тела и теперь руководил движением. Вдалеке раздался вой сирены — это спешила «скорая». Прижавшись к КамАЗу, она резко затормозила, и из салона вышли медики в униформе.

— Не спешат, однако, наши эскулапы, — саркастически заметил словоохотливый старичок. — Семнадцать минут. Я засекал по часам. — Он поднял руку и продемонстрировал часы на потёртом ремешке. — В двенадцать четырнадцать это произошло, могу засвидетельствовать...

Автомобильная пробка дымила сизой гарью, зеваки стояли плотной стеной. Медики закончили хлопотать вокруг распростёртого на горячем асфальте мужчины. Пострадавшего погрузили на носилки и затолкали в салон «скорой».

— Живой ли? — волновалась Мария Фёдоровна.

— Жив! Жив! — эхом пронеслось по толпе, плотно облепившей тротуар и край мостовой.

Завывая сиреной и мигая синим проблесковым маячком, «скорая» умчалась. Толпа постепенно стала рассасываться. Вскоре на улице не осталось любопытных. Словоохотливый старичок застучал палочкой в направлении прохладного сквера, где его давно поджидали истомившиеся партнёры по партии в домино.

Взволнованная случившимся событием, Мария Фёдоровна горестно вздохнула и, обливаясь липким потом, засемила к своему дому, волоча за собой многострадальную тележку. «Кто же этот бедолага? — Этот вопрос сильно занимал Марию Фёдоровну. — Не из нашего ли дома? Эх, не смогла я разглядеть его», — сожалела она, сжигаемая неудовлетворенным любопытством.

Тяжело ступая, она подрулила к детской площадке, где стояли яркие качели, на которых качалась детвора, и, вытерев со лба крупные прозрачные капли пота, рухнула на скамейку, с блаженством вытянув налившиеся свинцовой тяжестью ноги в стоптанных доперестроечных ботинках фасона «прощай, молодость». На скамей-

ке, в тени раскидистых кустов сирени, ее поджидали Эвелина Ивановна из пятнадцатой, даже в жару кутающаяся в плотный пуховый платок, и Клавдия Порфирьевна из пятьдесят второй — эти старушки составляли костяк дворового самосознания.

— Я сейчас видела, как человека задавили, — поторопилась сообщить запыхавшаяся Мария Фёдоровна, довольная возможностью обсудить последние новости со своими приятельницами.

— А мы слышали, сирена выла. Я еще Порфирьевне говорю: не то случилось что?.. — подняла седые выщипанные бровки Эвелина Ивановна. — Надо же, сбили! Конечно, носятся как черти угорелые. А кого сбили-то?

— Да вот, тоже... Я вроде его видела, говорят — из нашего двора выбежал. Парень такой высокий, мосластый, в синем спортивном костюме... Я вот думаю, у нас вроде таких нет.

— В синем, спортивном? — Ниточки седых бровей полезли еще выше. — Порфирьевна, не тот ли это...

— Да-да, из вашего подъезда он и выходил, я его хорошо разглядела, — подхватила Порфирьевна. — Мы с Эвелиной почти из ящика доставали, когда он мимо прошмыгнул. Не из наших жильцов он. Может, чей-то гость?

Дворовые активистки, взволнованные своей непосредственной причастностью к событиям, задумались. Еще минут десять, отдыхая от марш-броска по магазинам, Мария Фёдоровна обсуждала личность неустановленного парня, а затем, кряхтя, тяжело поднялась и вздохнула с сожалением:

— Пойду я. Обед готовить пора. Как там моя мадама, встала ли, не знаю...

И, волоча за собой осточертевшую тележку, она вошла в гулкий полумрак подъезда и стала, кряхтя и тяжело вздыхая, подниматься по высоким ступеням старинной прохладной лестницы. Лифт, как всегда, не работал. Достигнув четвёртого этажа, Мария Фёдоровна облегчённо выдохнула — самая тяжёлая часть дня заканчива-

лась. Она пошарила в кармане сумки, нащупала массивную связку ключей и, выудив ее, подошла к двери. При первом же лёгком прикосновении тяжёлая дверь поддавалась и с тревожным скрипом приоткрылась — она оказалась незаперта.

Мария Фёдоровна побледнела. Сердце предательски заныло, ужас на несколько секунд лишил ее возможности действовать — неужели она забыла закрыть дверь? Конечно, Евгения Викторовна должна быть дома, но если по своей привычке поздно вставать она еще спит, то кто угодно может пробраться в квартиру. Мало ли лихих людей... На слабеющих ногах, с замиранием сердца от дурных предчувствий, Мария Фёдоровна осторожно вошла в прихожую, на всякий случай не захлопнув дверь.

Послышался шорох. Домработница вздрогнула и чуть не заорала от ужаса. Из ванной, лениво потягиваясь и щуря жёлтые щёлочки наглых глаз, вышел дымчато-серый кот Бакс. Он стал обнюхивать сумку на колёсиках, чуя волнующую близость парной телятины.

— Ух, напугал, котяра паршивый, — с облегчением махнула на него рукой Мария Фёдоровна, опускаясь на стул и стягивая ботинки.

Слава богу, кажется, ничего плохого не произошло, всё на своих местах. Она просто забыла, уходя, запереть дверь. Склероз проклятый! Наверное, Евгения Викторовна ничего не заметила... Она, скорее всего, еще спит.

Поставив ботинки на специальную полочку, домработница мимоходом погладила кота и двинулась босиком по паркету к двери спальни. Она прислушалась. В спальне было тихо, только на кухне капала из неплотно прикрытого крана вода.

— Спит, — довольно заметила Мария Фёдоровна и легонько толкнула дверь — пора будить хозяйку. — Женечка, уже час дня, — осторожно пропела она, заглядывая в полутёмную комнату. Шторы были плотно задёрнуты.

В ответ она не услышала ни сонного «Уйди, я спать хочу!», ни вздохов просыпающегося человека.

— Женечка, — ласково проворковала домработница и, осторожно ступая, подошла к окну, чтобы раздвинуть шторы. — Вы просили разбудить пораньше, я приготовлю вам ванну...

Яркое полуденное солнце, затенённое подрагивающей от ветерка листвой старых высоких тополей, залило уютную спальню. Мария Фёдоровна обернулась, на ее синеватых старческих губах возникла приторная улыбка. Но в ту же секунду улыбка сползла с ее лица, как растаявший грим, она выпучила глаза и всплеснула руками — на пушистом ковре около широкой кровати в пене чёрных скомканных простыней лежала хозяйка дома в прозрачной розовой сорочке.

Чёрная змейка запёкшейся крови застыла, сбегающая от виска по мертвенно-белой щеке к уголку полуоткрытого рта. Застывшие глаза неподвижно смотрели в пол, обнажённые ноги белели на тёмном ковре, рука утонула в длинном ворсе, а светлые волосы, сбившись в спутанный ком, сливались с причудливым восточным узором.

— Ев... гения Викторовна... — прошелестела Мария Фёдоровна.

Она схватилась за шею, потом за сердце, обмякшие ноги отказались ей повиноваться, в голове помутилось, и хозяйка, лежавшая на ковре, стала в ее глазах двоиться, троиться, расплываться, пока не исчезла совсем в чёрной бездне беспамятства.

В спальню, важно шествуя, вошёл любопытный дымчатый кот. Но домработница его уже не увидела.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Бригаду медиков и оперативно-следственную группу, очень быстро прибывших на место происшествия, вызвала массажистка Шиловской. Она явилась около

двух часов, чтобы провести очередной сеанс противощеллюлитного массажа.

Обнаружив дверь квартиры открытой и миновав ко-та, благополучно распотрошившего сумку со снедью, она наткнулась в спальне на два женских тела. Массажистка, будучи девушкой хладнокровной и решительной, не растерялась, вызвала «скорую» и милицию, до приезда которых просидела на кухне, нервно кусая губы и поглядывая на наручные часы — визит к следующей клиентке откладывался, и непредвиденная задержка, кажется, волновала ее больше всего. Московский бомонд не любит неаккуратности, даже если она вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

Первой приехала «скорая». Едва тронув запястье актрисы, врач с видом равнодушной обречённости махнул рукой и занялся домработницей, лежавшей на ковре рядышком со своей хозяйкой. Мария Фёдоровна была жива, хотя и смотрела бессмысленно в потолок, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Констатировав обширный инсульт, ее на носилках отнесли в машину и отправили в больницу. Зрелище «убиенной» приятельницы и ее белое лицо с закатившимися глазами вызвали шок у околоподъездных старушек, не далее чем час назад наблюдавших Фёдоровну живой и здоровой.

Прибыли сотрудники милиции. Массажистку отпустили, расспросив и запротоколировав ее показания. Потом начался осмотр квартиры. В понятия, естественно, попали Эвелина Ивановна из пятнадцатой и Клавдия Порфирьевна из пятидесят второй.

То и дело охая и поминая имя божие всуе, они припоминали многочисленные подробности сегодняшнего дня, неожиданно богатого происшествиями. Старушек выслушали, не вникая в их путанные речи, и оперативная группа приступила к осмотру квартиры.

В воздухе носился запах химических реактивов. Он казался резче и приторнее в квартире, добела раскалённой солнцем. Пол был посыпан черным порошком, над

ним колдовал эксперт-криминалист, и понятых гоняли из угла в угол, чтобы они не затапывали следы. Шаравшиеся из стороны в сторону пожилые леди под конец нашли приют в уголке, откуда тихо таращились бесцветными слезящимися глазами.

Старший следователь райотдела милиции майор Буркин, белобрысый мужчина лет тридцати пяти, тщательно разделяя слова и подчёркивая паузой запятые, диктовал протокол осмотра квартиры молодому человеку в гражданском, который, примостившись на краешке роскошной кровати, старательно записывал слова майора. Папка лежала у него на коленях.

— Тело обнаружено на полу головой к окну, ногами к дверям, между трюмо и кроватью...

Щуплый младший лейтенант Шушарин, то и дело утирая со лба испарину, фотографировал спальню. Фотоаппарат щёлкал, ослепляя глаза режущими голубоватыми вспышками.

В комнате суетился еще один сотрудник — сгорбленный, в очках — эксперт-криминалист Харченко. Обмахивая кисточкой с порошком все мало-мальски пригодные для исследования поверхности, он приближал к ним нос, близоруко всматривался, щуря глаза, потом аккуратно наклеивал полоску клейкой ленты и снимал ее уже с серыми разводами. Совершалась ежедневная монотонная работа, за которой не могла наблюдать мёртвая женщина, всё еще пристально смотревшая в вечность застывшими глазами из-под неплотно сомкнутых век с длинными ресницами. Мужчинам, давно уже привыкшим к грязным и неприятным моментам в своей работе, было немного не по себе — в комнате как будто витал чей-то дух, безмолвно надзирающий за вторжением в свою обитель чужих людей.

У Буркина пересохло в горле. Он остановился, прокашлялся и с удовольствием закурил. Когда его монотонный голос замолк, все почувствовали облегчение от наступившей тишины. В молчании стали слышны город-

ские звуки — урчание машин, лай запертой собаки, досужие пересуды у подъезда.

— Ну и жара сегодня, — ища поддержки у коллег, про-
бормотал Харченко.

— Да-а, хорошо, что еще труп свежий, а не недельной давности, не то мы бы тут задохнулись, — поддержал разговор младший лейтенант Шушарин.

На самом деле ему было очень жутко, он первый раз участвовал в выезде на место происшествия, к тому же на квартиру известной актрисы, да еще и только что убитой.

— Это точно, — вступил в беседу Буркин.

— А я ее, мужики, недавно по «ящику» видел, — сообщил Шушарин, кивком указывая на Шиловскую. — Какой-то фильм был... Бодяга такая! Кажется, что-то про мафию. Она там любовницу главаря играла. Ее в конце фильма тоже убили. Мне еще жена говорит: смотри-ка — звезда, ни один фильм без нее уже не обходится. А я еще подумал: хороша же она из себя, картинка!..

— Ну и что, я тоже ее видел по телику, — громко, чтобы разогнать застоявшуюся тишину, сказал Харченко. — И в театре несколько раз...

— Не думал я, что увижу ее так близко, — кивнул Шушарин на распростёртое тело. — Жалко, да? Молодая...

— Ладно трепаться, поехали дальше, — оборвал его Буркин и забубнил снова: — Обнаружены: пустая упаковка пантропанола, стакан с бесцветной жидкостью, вероятно с водой, незапечатанное письмо, женский гробень, пульт от телевизора...

Вечерело. Низкое солнце заглядывало в окно, и кружевная тень высоких тополей уже не защищала от его прямых розоватых лучей. Раскалённый красный шар цеплялся одним краем за почерневшие крыши домов, пронизывая лучами всю комнату насквозь.

— Ну что, есть пальчики? — негромко спросил Шушарин, присаживаясь на краешек кровати с резными спинками в причудливых деревянных завитушках.

— Есть, — пробормотал Харченко, собирая кусочки липкой ленты. — Есть и пальчики, и следочки, и микрочастицы... Да боюсь, что всё это только убитой и ее матери...

— Домработницы, — поправил Шушарин.

— Какая разница.

— Принципиальная. Если бы это была ее мать, то подозрение на нее отмелось бы почти автоматически, — бойко затараторил Шушарин, с удовольствием выкладывая все свои соображения. — Плюс сердечный приступ...

— Инсульт.

— Какая разница. А домработницу будут основательно проверять.

— Можно подумать, что редко матери убивают своих дочек, — скептически заметил майор Буркин. — Да сплошь и рядом... Выпьют поллитру на двоих и давай друг друга лупцевать.

— Не так уж редко, — согласился Шушарин. — Но не таких знаменитых. Не хочешь ли ты сказать, что хозяйка с домработницей сначала нализались, а потом начали выяснять отношения?

— Кто их знает. По крайней мере, на месте преступления нашли мёртвую хозяйку и полумёртвую домработницу... — Буркин заглянул в бумаги. — Тюрину. И только сам господь бог пока знает, кто кого довёл до состояния нестояния...

— Да, на ограбление не тянет, — встрял в разговор Харченко. — Кажется, все вещи целы.

— Согласитесь, что все-таки не похоже, чтобы здесь хозяйничали обыкновенные домушники, — не унимался младший лейтенант, — иначе всё было бы вверх дном. Удар нанесён... — Шушарин склонился над убитой. — Острым предметом, но не ножом. В висок. Что и послужило причиной смерти.

— Торопись, — саркастически усмехнулся Буркин. — Это вскрытие покажет, каким предметом... И что послужило причиной смерти... Рану до дна не разглядишь.

— Всё равно, сразу исключается самоубийство и...

— Ну и быстр ты, парень. — Харченко неодобрительно покачал головой. — Прямо Шерлок Холмс. — Он медленно прошёлся по комнате и, остановившись у картины в тяжёлой золочёной раме, сказал с восхищением, уважительно прищулив глаза: — Эй, будет вам спорить. Смотрите, какие картинки странные развешаны... Как в галерее!

Майор Буркин не тронулся с места, а лейтенант подскочил и уставился на полотно изучающим взглядом.

— Ни черта не понятно, — через минуту внимательного рассматривания буркнул он, пожимая плечами. — Так посмотришь, вроде голая баба... Лежит... А вот так посмотришь, уже другая баба... Но уже вроде бы стоит...

— Ну так чего ж тебе еще надо? В том-то нынешнее искусство и состоит — пару-тройку дамочек изобразить в непонятном ракурсе и на стенку повесить. По мне, так лучше уж из «Пентхауса» вырезать.

Буркин, заинтересовавшись, подошёл к ним.

— При чём тут мужской эротический журнал? И где ты здесь голых женщин разглядел, не понимаю, — поразился он. — Я вижу дерево, сучья голые, листья, и еще черт-те чего на ветвях накручено, как будто змея обвилась. Похоже, сюжет на библейскую тему. Черт с ней, с этой картиной. Пора закругляться, — озабоченно подытожил он, взглянув на часы.

— Это Дали, — уверенно изрёк Харченко. — Подлинник небось. Они, артистки, такие, им только подлинники дарят. Это тебе не репродукции из «Пентхауса». Поймай, поймай... А что означает эта дырочка? Глаз змеи как будто. Надо же, как натурально сделано! Искусство!

Сосредоточенно нахмурившись, Буркин снял картину. За ней в стене оказалось аккуратное круглое отверстие.

— Ба-а, да здесь стреляли! — воскликнул Харченко.

Через несколько минут активных поисков удалось обнаружить еще одно пулевое отверстие — в самом углу,

за кушеткой. От любопытных глаз его прикрывал пышный плед с кистями.

— Вот так дела, — задумчиво протянул Буркин. — Да здесь была стрельба... Значит, кто-то должен был слышать звук выстрелов.

— А я всё думаю, за что же ее убили? — не унимался Шушарин. — Вот бы мне поручили расследование. Уж я бы докопался! Молодая, красивая, знаменитая... Из-за чего?

— Любовь! — мечтательно вздохнул Харченко. — Из-за любви, как пить дать!

— Деньги! — категорически заметил Шушарин. — Кому сейчас эта ваша любовь нужна, когда кругом полно секса? Сейчас всем не хватает денег, а любовь — вторичный продукт. Она не является предметом первой необходимости. Но странно, выстрелы были, а на теле нет пулевых ранений.

Почти в сумерках осмотр квартиры закончился. Понятые подписали протоколы и удалились, робко шушукаясь между собой. Оперативники стали собираться — их работа подходила к концу. Харченко складывал свой медико-криминалистический чемодан. Старший следователь Буркин набрал номер и вызвал машину — труповозку.

— Выехали, ждите, — противным пронзительным голосом громко сказала дежурная.

Оставалось дожидаться приезда машины, чтобы потом опечатать квартиру и сдать найденный материал.

Вскоре в прихожей послышались громкие голоса, и в комнату ввалились санитары с носилками.

— Ну, наконец-то, — с облегчением вздохнул Буркин. — Что-то вы, ребята, не торопитесь...

— Да у нас вызовов сегодня — во! Зашиваемся, — устало сообщил дюжий санитар с помятым лицом, лоснящимся от пота. — Жара! Тепловые удары — раз-два и капут!

Фигуры в зеленоватых халатах засуетились над трупом артистки.

— Молодая... Да никак это Шиловская, знаменитая дамочка! — раздался возглас, когда безжизненное, окоченевшее тело перекладывали на носилки. — Жене сегодня расскажу, вот удивится! Она от нее без ума.

Когда санитары увезли тело, в комнате стало будто легче дышать. Как будто ушел неприятный человек, который, несмотря на то что всё время молчал, своим молчанием стеснял других.

— Да, завтра газеты завоюют, — заметил Шушарин. — Наплетут новость чего. Может, даже обвинят во всём чеченских боевиков. Это сейчас модно.

— Хватит трепаться, давай собирай манатки. Мы и так тут слишком долго провозились.

Буркин с шуршанием собирал бумажный пакет, где уже находились стакан, расчёска с волосами, пульт от телевизора и другие мелочи, обнаруженные по ходу дела. Каждая из этих вещей могла стать важным доказательством.

— А вот еще письмецо! — У Шушарина азартным блеском загорелись глаза. — Давайте глянем, а?

Письмо, сложенный вчетверо квадратик обыкновенной клетчатой бумаги, осторожно развернули, и младший лейтенант вонзился взглядом в косые строчки. Через минуту Буркин сложил листок и молча сунул его в пакет, где уже покоились упаковка от таблеток, пульт и расчёска.

— А ты говорил, острый предмет!.. Причина смерти установлена!.. — передразнил его Буркин, сосредоточенно массируя переносицу.

Младший лейтенант посмотрел на следы мела и тёмное пятно на ковре. В закатных тенях пятно крови, впитавшейся в длинный пушистый ворс, выглядело больше и отчётливее, а белый след, очерчивавший тело, напоминал контур бегущего человека.

— Ну кто бы мог подумать, — бормотал младший лейтенант себе под нос. — Не могла же она сама... И к тому же выстрелы...